

*Und wenn du lange in einen Abgrund blickst, blickt der
Abgrund auch in dich hinein.*

*(И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже
смотрит в тебя.)*

Фридрих Ницше, «По ту сторону добра и зла.

Прелюдия к философии будущего»

Оглавление

<i>От издательства</i>	9
<i>Введение</i>	13
<i>Глава 1</i>	
Путь к власти	20
<i>Глава 2</i>	
Как нацисты правили Германией.....	56
<i>Глава 3</i>	
Ошибочная война	94
<i>Глава 4</i>	
Дикий Восток.....	131
<i>Глава 5</i>	
Большие надежды	166
<i>Глава 6</i>	
Другая война	224
<i>Глава 7</i>	
Переломный момент	266
<i>Глава 8</i>	
Дорога в Трешлинку	320

<i>Глава 9</i>	
«...Пожнет бурю»	362
<i>Примечания</i>	397
<i>Сведения об очевидцах</i>	411
<i>Предметно-именной указатель</i>	429
<i>Благодарности</i>	444

От издательства

Уважаемый читатель, перед Вами книга, которая неминуемо вызовет сильные и противоречивые чувства. Она написана видным английским историком, рассчитана изначально на западного читателя и, безусловно, содержит в себе большинство сложившихся на Западе стереотипов в восприятии и оценке событий Второй мировой войны, в том числе и самых драматических.

Автор книги, Лоуренс Рис, много лет проработал креативным директором исторических программ *BBC*, снял серию научно-популярных фильмов о Второй мировой, написал книги, пользующиеся успехом и опубликованные большими тиражами.

Немало зарубежных зрителей и читателей взглянули на трагические военные события сквозь призму представленных им материалов. Многие российские зрители успели посмотреть программы, снятые на эту тему *BBC* под руководством Риса.

Мы считаем важным предоставить и нашим читателям возможность ознакомиться с видением нашими союзниками по той войне причин и следствий глобальной катастрофы под названием «нацизм».

Задачи, которые автор ставил перед собой, работая над проектами, безусловно, глубоко гуманистические — развенчание

нацизма, осуждение его злодеяний. В книге «Нацисты: Предостережение истории» изложены факты, свидетельствующие о трагических последствиях нацизма не только для тех, против кого была направлена его безжалостная разрушительная сила, но и о катастрофических результатах для самих нацистов, его приверженцев и вдохновителей, для фашистской Германии, где он стал государственной идеологией.

Выразительными художественными средствами автор призывает человечество к бдительности — «научиться проявлять здоровый скептицизм в отношении тех, кто следует за политическими лидерами, руководствуясь «верой».

Но и сам Лоуренс Рис, как один из столпов английской исторической школы, не сумел в полной мере избавиться от безоглядной «веры» в западные ценности и следования идеологическим стереотипам.

Вторая мировая война в контексте книги представляется как «эпическая борьба между нацизмом и коммунизмом». В такой подаче материала невольно происходит смещение акцентов на исключительно идеологические, уходит в тень захватнический, несправедливый характер войны. Все несколько упрощенно сводится к борьбе двух зол между собой. И значит, победа в такой войне может восприниматься как торжество одного из них. Из всех последствий войны как ключевые, судьбоносные выделены: продвижение коммунизма на Запад («разделенная Германия», «советское господство в Восточной Европе») и последующее идеологическое противостояние двух систем (холодная война).

При чтении этой книги, как и при любом прикосновении к истории, необходимо сохранять объективность восприятия. Это не учебник истории, не выверенные энциклопедические сведения, это еще одно видение событий Второй мировой войны, одна из имеющих право на существование интерпретаций, в которой явно ощутима как горячая нена-

висть к нацизму, так и рефлекторная боязнь коммунизма. Позиция автора, старательно держащегося в тени документальных свидетельств, все же проявляется при внимательном прочтении, и в ней обнаруживается много оценок, не совпадающих с трактовкой исторических фактов в других источниках, в частности ставших для советского, российского читателя каноническими и хрестоматийными. В книге есть и вызывающие сомнения высказывания, и спорные утверждения, даже, пожалуй, некоторая тенденциозность в подборе материала. Один из активно используемых Лоуренсом Рисом приемов — множественное цитирование воспоминаний участников и очевидцев описываемых событий при почти полном отсутствии авторских комментариев. Такой подход позволяет автору, с одной стороны, демонстрировать беспристрастность подачи информации, предоставляя читателю возможность самому делать выводы и заключения. С другой стороны, завуалированно воздействовать на читателя, ведь их предстоит сделать на основании фактов, отобранных определенным образом. Большинство из цитируемых воспоминаний по отдельности не вызывают сомнений, но, сведенные вместе, в общей концепции книги они создают картину, в которой советский солдат и советский человек выглядят не совсем и не всегда так, как об этом свидетельствует общепринятая история Великой Отечественной войны.

Приступая к работе над книгой, мы всерьез задавались вопросом: «Нужно ли ее издавать у нас?» Ответ очевиден: если мы с уважением относимся к нашему читателю как способному самостоятельно воспринимать новую информацию, анализировать ее, видеть противоречия и давать им трезвую оценку, необходимо предоставить ему пищу для размышлений, инструменты для более полного восприятия реалий и фактов Второй мировой войны, понимания грандиозности масштаба подвига советского народа.

Мы помним эпоху тотальной цензуры и не хотим ее возвращения.

Сознательное умолчание фактов — преступление против памяти наших героических предков.

Данная книга не может быть отнесена к легкому развлекательному чтению.

Она требует решительности критического подхода, смелости суждений.

Эта книга для читателя вдумчивого, имеющего сложившиеся мировоззренческие фильтры и серьезный интерес к различным историческим и социальным концепциям, умеющего дать им личную оценку. Эта книга — уникальная возможность ознакомиться с одним из наиболее популярных в мире и активно тиражируемых первоисточников, пополнить свой багаж фактов и знаний, независимо и компетентно разобраться в принятой на Западе трактовке событий Второй мировой войны.

Введение

Только оглядываясь назад, ясно видишь истинные очертания жизни. Это столь же справедливо в отношении наших отдельных жизней, сколь и в отношении великих исторических событий. Я, например, представить себе не мог в начале 1990-х, приступая к работе «*Нацисты: Предостережение истории*», что она станет началом столь долгого пути. Ведь только в процессе работы над фильмом «*Предостережение истории*» я вполне осознал, какой обширный новый исторический материал сделался доступным в Восточной Европе после падения Берлинской стены. Именно это обстоятельство, а также крепнущее убеждение в отношении того, что невозможно переоценить важность войны Гитлера против Сталина в любой попытке понять образ мыслей нацистов, склонили меня сразу же взяться за другой проект. Поэтому еще несколько лет я писал сценарий, занимался производством и режиссурой фильма «*Война столетия*» об эпической борьбе между нацизмом и коммунизмом.

Какие очертания приобрела вся эта работа, стало для меня вполне очевидным только теперь. В то время я не видел этого столь ясно. Поэтому я особенно благодарен издательству *BBC Books* за то, что, переиздавая оригинальную работу «*Нацисты: Предостережение истории*», оно предоста-

вило мне возможность включить в книгу также и бóльшую часть «Войны столетия». Ибо я думаю, что материал «Войны столетия» — в частности, глава «Разновидности войны» — наглядно демонстрирует реальные последствия нацизма. Конечно, во время поездки по России, Белоруссии и Украине, слушая рассказы о нацистской оккупации, я имел возможность глубже вникнуть в сущность миропонимания Гитлера: унылый вид, где сострадание вне закона, а жизнь сводится к дарвиновской борьбе, в которой слабым надлежит страдать, потому что такова их судьба.

Конечно, при включении одной книги в другую, есть потенциальные сложности. Некоторые из них легко исправить — опасности повторения, например, — и я постарался отредактировать текст таким образом, чтобы не говорить дважды одно и то же. Я также обновил содержание в местах, где мое понимание с момента написания оригинального текста изменилось — это, в частности, касается раздела об истоках нацистского «окончательного решения еврейского вопроса». Но при целенаправленном исследовании событий, главным образом, на Восточном фронте, отраженных в многочисленных свидетельствах русских ветеранов, может создаться опасное впечатление, будто бы война на Западе «не сыграла роли».

Я должен подчеркнуть, что такая точка зрения мне совершенно чужда. Я воспитывался на героических рассказах о жертвах британских и американских военнослужащих во Второй мировой войне. Мой отец был летчиком Военно-воздушных сил Великобритании. А мой дядя служил в конвоях на Атлантике и погиб, когда их корабль подорвало вражеской торпедой. Именно для того, чтобы полная картина борьбы западных союзников против нацизма была представлена максимально широкой аудитории, я задумал такие телесериалы, как «Битва за Атлантику» и «От дня высадки до Берлина», а затем как редактор следил за процессом их создания.

Но книга, которую вы держите в руках, о другом. В ней я пытался как можно глубже проникнуть в сущность нацизма. Это не история Второй мировой войны и не повествование обо всех значительных военных решениях в ходе конфликта. Это попытка понять, почему немцы и их союзники совершили то, что они совершили. Именно для достижения этой цели — и только этой цели — я по необходимости включал материалы из «Войны столетия».

Оглядываясь теперь на проделанную работу, я вижу еще один аспект, в свое время не вполне мною осознанный. Эти книги, а также связанные с ними телесериалы, были основаны примерно на сотне эксклюзивных интервью, многие из которых брались у бывших членов нацистской партии. У меня была возможность встретиться и расспросить людей, которые обожали Гитлера, работали у Гимmlера, воевали на Восточном фронте и совершали зверства в рядах СС. Теперь такая возможность более не доступна для тех, кто придет после меня, — по той простой причине, что большинство людей, с которыми мы беседовали, уже умерли. В разгар процесса производства, когда нужно было вовремя подготовить материал к эфиру, книгу к печати, мне как-то не приходило в голову, что мы делаем нечто исключительно ценное для будущих поколений.

Конечно, с постепенным уходом живых свидетелей отношение к нацизму и Второй мировой войне также будет меняться. Для моего поколения единственным способом разобраться в мире, в котором мы росли, было знать, что произошло во время Второй мировой войны. Разделенная Германия, холодная война, советское господство в Восточной Европе — последствия того конфликта составляли окружающую нас действительность. Но для сегодняшних школьников все совсем иначе. Вспоминаю, дочь одного друга спросила меня, когда ей было семь лет: «Что было раньше: Адольф Гитлер или битва при Гастингсе?» Для ее поколения нацизм — это

просто еще один раздел истории, часть огромной мозаики, которую нужно уложить вместе с римлянами, норманнами и Генрихом VIII.

Думаю, вас не удивит, что, с моей точки зрения, Третий рейх — это отнюдь не «просто еще один раздел истории». Я считаю, что изучение нацизма по-прежнему предоставляет нам некий уровень проникновения в состояние общества, которое совершенно отличается от преимуществ понимания некоторых других периодов прошлого. Начать хотя бы с того, что нацисты ходили по этой земле не так уж давно. Они пришли из цивилизованной страны во времена, когда, вслед за Первой мировой войной, в Европе возобладал целый ряд положительных ценностей и представлений о демократии и правах человека. Они все это растоптали, как только достигли власти, в результате ряда выборов, показавших, что большинство немцев, голосуя либо за коммунистов, либо за нацистов, в итоге голосовали против демократии. Учитывая, что в сегодняшнем мире так много очень юных демократий, это серьезный призыв к бдительности.

И есть еще один, даже более важный, урок, который мы должны извлечь из этой истории. Занявшись данной темой много лет назад, я ожидал встретить множество бывших нацистов, которые скажут: «Я совершал военные преступления лишь потому, что выполнял приказы». Однако, если надавить на бывшего нацистского преступника, он с большей вероятностью ответит: «Я тогда считал, что поступаю правильно». И этот ответ пугает гораздо больше, чем заявления о тупом повиновении, которых я ожидал. Бывшие нацисты верили, что их поддержка Гитлера была вполне обоснована конкретными обстоятельствами тогдашнего времени. Они рассказывают о том, какое унижение испытывали от Версальского соглашения в конце Первой мировой войны, а затем в послевоенные годы им пришлось пережить революции и гиперинфляцию, а в начале 1930-х — массовую безра-

ботицу и банкротства. Они мечтали о «сильной личности», которая восстановит национальную гордость и победит растущую угрозу коммунизма.

С годами, встречая в работе над фильмами бывших нацистов, я стал понимать, что есть еще иное измерение в их поддержке Третьего рейха, вообще не являющееся «рациональным». Это измерение эмоциональное, основанное на вере. Такое квазирелигиозное измерение нацизма вполне очевидно, и я подробно рассказываю о нем в первой главе книги. Но нам следует также признать, что Гитлер, как политическая фигура, давал этим немцам нечто такое, чего не могли дать другие политические лидеры. Гитлер практически никогда не говорил о таких скучных вещах, как «политическая линия». Вместо этого он предлагал руководство, основанное на видениях и мечтах. Благодаря этому ему удавалось задевать нечто такое, что покоится в глубине человеческой психики. Джордж Оруэлл упоминает об этом в своей знаменитой рецензии на «Майн кампф» Адольфа Гитлера: «...людям нужны не только комфорт, безопасность, короткий рабочий день, гигиена, контроль рождаемости и вообще здравый смысл; они также хотят, иногда по крайней мере, борьбы и самопожертвования, не говоря уже о барабанах, флагах и парадных изъявлениях преданности»*. Многим людям также — думаю, Оруэлл согласился бы — нравится представлять себя «высшими» по рождению и сознавать, что катастрофические события в их стране происходят не по их собственной вине, а в результате темного «международного заговора».

Полагаю, что, приступая к данному проекту, во многих отношениях я был очень наивен в понимании человеческих

* *George Orwell. Hitler.* Первая публикация: *New English Weekly.* — Лондон, 21 марта 1940 г. Перевод с английского: А. Шишкин. Публикация перевода: сборник «Джордж Оруэлл: “Скотный Двор: Сказка”. Эссе. Статьи. Рецензии». — Изд. «Библиотека журнала “Иностранная литература”». — 1989. С. 75–79.

мотивов. Мне казалось, что люди принимают важные решения относительно своей жизни, основываясь на рациональных разумных критериях. На самом же деле решение идти за Гитлером и поддерживать его при любых обстоятельствах в значительной степени бывало скорее эмоциональным. И нам не следует рассматривать это как некую специфически «немецкую» черту. Оглянитесь на собственную жизнь и спросите себя: часто ли ваши решения бывали действительно «рациональными». Рациональным ли было ваше решение купить дом или машину, которую вы выбрали? А ваше расположение к одним людям и неприязнь к другим — в основе своей они имеют «рациональные» или «эмоциональные» причины?

И несмотря на всю работу, проделанную историками-структуралистами на протяжении последних лет, выявляющую все специфические обстоятельства возникновения нацизма, мы вынуждены признать неприятный факт: Адольф Гитлер был неординарной личностью, которая успешно использовала чувства немцев. Конечно, его влияние распространялось преимущественно на тех, кому хотелось верить в то, что он утверждал — тому приводится много личных свидетельств в этой книге, — и потребовался экономический кризис (который он не контролировал), чтобы вытолкнуть его на вершину власти. Но суть в том, что для множества людей, даже в ранние годы становления нацизма, встреча с Гитлером стала событием, изменившим их жизнь. Показательно свидетельство Альберта Шпеера, который утверждает, что после встречи с Гитлером он жил на «высоком напряжении», а ведь он не единственный человек с большим интеллектом, почувствовавший необходимость подчинить себя воле австрийского капрала. Эта история учит нас, что харизма (умение снискать популярность в массах) — это свойство, к которому следует относиться с подозрением. А также нам следует научиться

проявлять здоровый скептицизм в отношении тех, кто следует за политическими лидерами, руководствуясь «верой».

И наконец, есть еще одна всеобъемлющая причина, заставляющая меня думать, что эта история остается актуальной. Как я уже писал в завершении короткого предисловия к «Войне столетия» шесть лет назад: «...это отнюдь не счастливая история, и она не слишком утешительна. Но ее следует изучать в школе и помнить. Потому что на это оказались способны люди в двадцатом веке».

Лоуренс Рис
Лондон, октябрь 2005 г.

Глава 1

Путь к власти

В ЛЕСУ ВОЗЛЕ ГОРОДА, КОТОРЫЙ В ПРОШЛОМ БЫЛ восточнопрусским городом Растенбург, а сегодня является польским городом Кентшин, можно увидеть бесформенную груду железобетона. Сегодня трудно представить себе местность более отдаленную от центра власти, чем эта глухая часть Восточной Польши у границы с Россией. Но если бы вы очутились на этом месте осенью 1941 года, то оказались бы в центре управления одного из наиболее могущественных людей в истории — Адольфа Гитлера. Его солдаты уже стояли на берегах французской Бретани и топтали пшеничные поля Украины. Более 100 миллионов европейцев, которые еще несколько месяцев назад жили в независимых государствах, уже находились под его властью. В Польше полным ходом разворачивалось одно из самых варварских в мире переселений народов. И, преступив границы мыслимого зла, Гитлер вместе с Генрихом Гиммлером уже планировали уничтожение целого народа — евреев. Решение, которое Гитлер принимал в этом ныне лежащем в руинах бетонном городе, коснулось жизни каждого из нас и определило ход событий второй половины двадцатого столетия, причем к худшему.

Как же стало возможным, что культурная нация, в самом сердце Европы, позволила прийти к власти этому человеку и нацистской партии, которую он возглавлял? Зная о страданиях и разорениях, которые нацисты принесли человечеству, сейчас кажется почти непостижимой мысль о том, что Адольф Гитлер стал канцлером Германии в 1933 году вполне конституционным путем.

Одно из широко распространенных объяснений того, как нацисты достигли власти, основывается на характере Гитлера. Ни одна из реальных исторических личностей не обсуждалась так широко; например, биографий Гитлера в два с лишним раза больше, нежели биографий Черчилля. Сами нацисты, объясняя собственный успех, доходили в своих биографических исследованиях до крайностей. Сторонники Гитлера в нацистской партии пришли к заключению, что он не простой смертный, а сверхчеловек. «Гитлер одинок. Как Бог. Гитлер как Бог»¹, — сказал Ганс Франк, рейхсминистр юстиции, в 1936 году. Юлиус Штрайхер, нацист с особой любовью к преувеличениям, шагнул еще дальше: «Христос и Гитлер выдерживают сравнение только в одном или двух исключительных моментах: Гитлер — слишком великий человек, чтобы сравнивать его со столь незначительной личностью»². А в 1930-х годах в немецких детских садах появилась новая молитва: «Дорогой Фюрер, мы любим тебя, как папу и маму. Так как мы принадлежим им, так мы принадлежим и тебе. О Фюрер, прими нашу любовь и веру!»³

Вот еще одно из объяснений прихода нацистов к власти, которое нацистский министр пропаганды Йозеф Геббельс хотел внушить всему миру. Он лично спрашивал Гитлера после того, как прочитал «Майн кампф»: «Кто этот человек? Наполовину плебей, наполовину бог! Воистину Христос или всего лишь Иоанн Креститель?»⁴ Согласно нацистской версии истории, Гитлер, избранник судьбы, пришел к власти в Германии во многом так же, как две тысячи лет назад Хрис-

тос пришел спасти мир. В обоих случаях их успех был предопределен их сверхчеловеческой судьбой. Это объяснение, хоть обычно и не в такой крайней форме, в некоторых кругах до сих пор остается популярным объяснением того, как нацисты пришли к власти. Это совпадает с желанием многих людей понять прошлое просто в понятиях истории «великих людей», которые кроют мир по своей воле, невзирая на обстоятельства вокруг них. Но с этим объяснением, как ответом на вопрос: «Каким же образом нацисты пришли к власти?», есть просто одна загвоздка: такое объяснение ложное.

Ведь нацистская партия участвовала во всеобщих выборах в Германии в мае 1928 года. На тот момент Гитлер уже был лидером партии лет семь. И к тому моменту немецкий народ имел полную возможность лицезреть его сверхчеловеческие качества и попасть под его гипнотические чары. Но нет, на тех выборах нацистская партия завоевала ровно 2,6 процента голосов избирателей. В секретном правительственном докладе от 1927 года имеется выразительная, в контексте того времени, оценка нацистов. Согласно этому документу, «нацистская партия не имеет сколько-нибудь значительного влияния на большую часть населения»⁵. Таким образом, суждение о том, что Гитлер имел гипнотическое или почти божественное влияние на немцев, невзирая на обстоятельства, является чепухой. Безусловно, Гитлер был незаурядной личностью, и его воздействие на ход событий нельзя недооценивать, однако суть его характера не является достаточным объяснением ни появления нацизма, ни прихода нацистов к власти. Факт заключается в том, что Гитлер и нацисты просто в такой же степени зависели от условий своего времени, как и все мы. Независимо от того, кем был Гитлер, но только из-за коллаборационизма, слабости, просчетов и терпимости других нацисты и смогли прийти к власти. Несомненно, если бы не кризис, который потряс весь мир, нацистская партия вообще не смогла бы появиться.

Когда Германия капитулировала и в ноябре 1918 года закончилась Первая мировая война, в немецкой армии многие не могли понять, почему случилась эта катастрофа. «Мы и правда были поражены, — говорит немецкий ветеран войны Герберт Рихтер, — потому что совершенно не чувствовали себя побежденными.

Войска на передовой не ощущали своего поражения, и мы были удивлены, почему прекращение военных действий произошло так быстро и почему мы так быстро оставили свои позиции, ведь мы же были на вражеской территории; все это нам казалось странным». Воспоминания Герберта Рихтера о своих чувствах и чувствах его товарищей по поводу капитуляции до сих пор отчетливы. «Мы были разгневаны, потому что не чувствовали, что у нас нет больше сил». И эта ярость имела свои опасные последствия.

Те, кто испытывал такие чувства, сразу же стали искать виновных во внезапном прекращении огня и в подозрительных для них условиях перемирия. Распространился миф об «ударе ножом в спину» — мол, пока немецкие солдаты жертвовали жизнями в окопах, другие, в тылу, на родине, предавали их. Кто были эти «другие»? Это были левые, левые политики, так называемые ноябрьские преступники, которые согласились с унижительным перемирием 1918 года. Германия в конце 1918 года впервые в своей истории обратилась к демократии. И политикам стало понятно, что продолжение войны бессмысленно, что Германия войну проигрывает. Но многие солдаты смотрели на это иначе: им обстоятельства поражения Германии в ноябре 1918 года принесли только позор и бесчестие.

В Баварии, части южной Германии, это чувство предательства особенно сильно ощущалось многими солдатами, вернувшимися из окопов, и гражданскими правых политических взглядов. Мюнхен, столица Баварии, в 1919 году пребывал в состоянии хаоса. В феврале был убит политик-социалист

Курт Эйснер^{*}. Это убийство привело к массовым беспорядкам и имело значительные политические последствия. В апреле 1919 года была образована недолговечная Баварская советская республика (*Bayerische Räterepublik*), а затем создано правительство, возглавленное коммунистами. 1–2 мая вооруженные силы правых, состоящие из частей германских войск и отрядов фрайкора (*Freikorps*)^{**}, взяли Мюнхен, жестоко подавив сопротивление коммунистов и устроив массовый террор. Сам факт существования этого последнего возглавляемого коммунистами мюнхенского правительства ясно показал многим в этой традиционно консервативной части Германии, что их страх перед коммунистами был небезосновательным. «Да здравствует мировая революция!» — такими словами заканчивается одна из брошюр Коммунистической партии Германии того периода — одно из многих творений агитационной продукции, которая питала паранойю правых и создавала атмосферу, в которой могли процветать радикальные партии, противостоящие коммунистам.

^{*} Курт Эйснер (1867–1919) — деятель германского рабочего движения, журналист, первый премьер-министр Баварии. 7 ноября 1918 г. возглавил революционную борьбу в Мюнхене, был избран председателем Мюнхенского рабочего, солдатского и крестьянского совета, а 8 ноября, после провозглашения Баварской республики, стал премьер-министром республиканского правительства. По распоряжению Эйснера были опубликованы документы, доказывающие роль правительства Германии в развязывании Первой мировой войны, что вызвало ожесточенные нападки на Эйснера со стороны правых кругов, обвинивших его в получении денег от союзников для «организации» революции. 21 февраля 1919 г. по дороге в ландтаг, где Эйснер должен был объявить об отставке правительства, поскольку по результатам февральских выборов его политическая сила получила незначительное количество мест в парламент, он был застрелен молодым немецким националистом графом Арко-Вели. Смерть Эйснера нарушила хрупкое равновесие сил.

^{**} Фрайкоры — полувойенные добровольческие формирования крайне правого, реваншистского толка, действовавшие в Германии в первые годы Веймарской республики. Многие бойцы этих формирований впоследствии стали активными членами нацистского движения.

Была еще одна, более зловещая причина, по которой Баварская советская республика произвела такое устойчивое впечатление на сознание правых. Большинство лидеров этого переворота левых были евреями. Это способствовало обострению предубеждения, что за всем злом и несправедливостью в Германии стоят евреи. Распространялись слухи о том, как евреи уклонялись от службы в армии и что не кто иной, как еврей в правительстве — Вальтер Ратенау*, — тайно способствовал столь унижительному перемирию. Да и сейчас, согласно нагромождавшейся лжи, немецкие евреи продавали страну в рамках всемирного заговора, организованного международным еврейством.

По иронии судьбы эта ложь была действительна именно потому, что в Германии тогда жила всего лишь горстка евреев. В июне 1933 года их насчитывалось только 503 000, какие-то 0,76 процента населения; и, в отличие от еврейского населения других европейских стран, таких как Польша, они были относительно ассимилированы. Парадоксальным образом это сыграло на руку немецким антисемитам, поскольку при отсутствии большого количества евреев во плоти и крови

* Вальтер Ратенау (1867–1922) — германский промышленник еврейского происхождения, министр иностранных дел Германии. В июле 1919 г. Ратенау был назначен экономическим советником германского канцлера и официальным представителем Германии на переговорах с Францией о репарациях. В мае 1921 г. Ратенау получил портфель министра восстановления, а в феврале 1922 г. — министра иностранных дел в правительстве канцлера К.И. Вирта. На обоих этих постах он настаивал на честном выполнении Германией подписанных ею обязательств, в том числе касающихся репараций странам Антанты. Эта политическая линия вызвала ярость крайних шовинистов, мечтавших о реванше, и кампанию открытых угроз и подстрекательств в адрес Ратенау. Крупнейшее дипломатическое достижение Ратенау, подписавшего в апреле 1922 г. в Рапалло договор с Советской Россией, который покончил с внешнеполитической изоляцией Германии, не предотвратило выполнения этих угроз — 26 июня он был убит по дороге в свое министерство членами подпольной террористической антисемитской организации «Консул».

мог распространяться фантастический образ еврейства, в котором евреи воплощали все, что не нравилось правым силам в послевоенной Германии. «С политической точки зрения многим людям было очень легко сосредоточить свое внимание на евреях, — говорит профессор Кристофер Браунинг. — Еврей стал символом левого политика, капиталиста-эксплуататора, разного рода авангардного эксперимента в культуре, секуляризации — всего того, что вызывало неприятие у довольно широкой консервативной части политического спектра. Еврей стал идеальным политическим раздражителем».

В течение сотен лет немецкие евреи были жертвами предрассудков и не допускались во многие сферы общественной жизни. И лишь только во второй половине XIX века им было разрешено владеть землей и возделывать ее. Германия после Первой мировой войны оставалась страной, где антисемитизм все еще был обычным явлением. Ойген Левине, немецкий еврей, выросший в Берлине в 1920-е годы, страдал в детстве лишь из-за того, что был евреем. До четырех или пяти лет он играл с другими детьми нееврейского происхождения. А затем, когда вернулись домой их старшие братья, сверстники стали говорить ему: «Грязный еврейчик, тебе нельзя здесь играть, уходи». «Другие дети были тихими, — говорит Ойген Левине, — но эти мальчики уже были полны духом антисемитизма. Однажды один из старших мальчиков избил меня, ведь шестилетнему ребенку не по силам тягаться с четырнадцатилетним». Помимо этого жестокого случая он испытал на себе проявление антисемитизма в виде довольно странного ритуала: «В любой новой школе на первой утренней перемене ты получал тумака, потому что ты — еврей; а затем все наблюдали, на что ты способен, и ты вынужден был драться. И если ты давал сдачи — тебе не нужно было даже побеждать — если ты давал должный отпор, они оставляли тебя в покое».